

М. А. Родионов

МИР НАВЫВОРОТ

Кто не читал вывески наоборот: *яелакаб, ыдов-анив, оник, осям*, булгаковский *абыр*? Навыворот родные корни чаще всего звучат дико — как для полного невежды чувашская или эскимосская речь. Не теряют благозвучия разве что античные заимствования — тот же *оник* или *нофелет*. Между тем перевертыши не детская забава, а одно из древнейших занятий заговорившего человечества.

Каждый ощущает, что сказанное наоборот должно иметь и обратный смысл: вывернул *да* — получилось *нет*, вывернул *белый* — получилось *черный*, вывернул молитву — получилась черная месса. Разительный пример — *God — dog*, заигравший в романе Энтони Берджесса «The Wanting Seed» (Николай Калинин перевел название как «Вожделеющая плоть», а святотатственную формулу как «Слава Гобу») (Берджесс 1993). Но язык заплетается, корни деревенеют: не так-то легко управляться с переверотом слов в уме что сейчас, что в первобытные времена, когда люди были куда способней.

Дело чудесно упростилось с появлением азбучной письменности. Особенно письма бустрофедоном, где буквы идут как бык на пахоте: одна борозда, или строка, — справа налево, другая — слева направо и так далее. Бычьим поворотом писали критяне, хетты, древние греки, этруски, жители Южной Аравии, выворачивая слова то так, то эдак, а значит, испытывая свой словесный запас на прочность. Ведь если правильное слово — от Бога, а вывернутое наизнанку — от Дьявола, то посредником между двумя мирами, горним и кромешным, выступают устойчивые, верные слова, не теряющие себя при перевероте, а именно — палиндромы. Посредником на грани двоимирия обычно называют собаку, следовательно, палиндром — собака языка? Да, слава у него двусмысленная, как у пса. Но все ж искать устойчивые слова не кощунство, а скорей защита от кощунства.

Палиндром лучше определить по его собственным правилам:

— Тень-палиндром*¹: и ни морд, ни лап нет.

Или так, если пренебрежение «ь» в соотношении *тень — нет* кажется вам недопустимой вольностью: «Он дивен, палиндром, — и ни морд, ни лап не видно».

Творя воображаемую филологию, Велимир Хлебников говорил о внутреннем склонении слов, о том, что корневые согласные — особенно первая — несут смысл, а гласные передают отношения и т. д. (Хлебников 1986: 585–586). Нечто подобное существует в семитских языках и вводит знатоков во искушение (см., например, Майзель 1983; Милитарев 1983: 6–30).

Однако, рассуждая о внутреннем склонении слов *лес, вес, лето*, Хлебников (написавший «Перевертень» и целую палиндромическую поэму «Разин») не стал проверять свои примеры навыворот, а между тем мог бы порассуждать, что перевертень слова «лес» — *сел*: посадили лес, вот он и вырос, из деревьев построили избы, и получилось *село*. Обратное слова «вес» — *сев*: посеяли и — путем зерна, отрицая отрицаемое — ждут увесистого урожая; от слова «лето» — *тел*, то есть приплод, венчающий сезон, и т. д.

Один из поводов к написанию этого текста — призвать ко всеобщему перевороту слов. При этом образуется несколько любопытных групп. Не претендуя, как говорится, на полноту, назову самые очевидные:

1. Переворот слова как переворот смысла, или эффект черной мессы: да — ад, рай — йар=яр*, лих — хил, недород — дороден, туш — шут, охрана* — анархо.
2. Исходное слово определяется вывернутым: шорох — хорош, дух — худ, лебедь — дебел, волос — солов (то есть, по Далю, *соловой*: желтоватый со светлым хвостом и гривой), чулок — колуч=колюч*, голод — долог, рок — скор. Последний пример — это уже палиндромическое высказывание с осью поворота «с». Далее такие наращенные перевертени будут приводиться без комментариев.
3. Исходное дополняется вывернутым: гон — ног, рог — гор, клоп — полк (ибо клоп в одиночку не ходит, а казарму любит), мрак — карм, кус — сук, нож — жон=жен*, Артур — утра и т. д. Эта довольно многочисленная группа нередко дает выразительные образы или странные сближения.
4. Выверт — веление, приказ, призыв: дуб — буд(ь)*, манеж — женам, череп — перечь, итак — кати, иди.
5. Перевернутое слово комментирует, вопрошает, передразнивает исходное: юнец? — ценю*; адвокат* — таков, да?; набат — табань*; откат? — так-то (новейшая история в одном перевороте).

¹ Что означает эта звездочка (*) — выяснится по ходу текста.

6. И наконец, золотой палиндромический фонд — слова, равные самим себе, как уже приведенное «иди», или дед, пуп*, поп, боб, око, потоп*, оно, тот, шиш, нежен, наган, заказ, замаз, шабаш и множество других. Среди них — не только существительные, прилагательные, глаголы и личные местоимения, но и арматура языка — «еле» (а еще прочней «еле-еле»*), «или», «как» и все однобуквенные предлоги и союзы.

А как расширяют поле для маневра всякие приставки, суффиксы, флексии, внутренние изменения корней! Кажется, что общего между «ум» и «он», а пожалуйста: уме — ему, умами — имаму (хотя бы Хомейни), умом — Мому* (древнегреческому сыну ночи, олицетворению злословия).

Конечно, серьезный исследователь, если б вздумал выворачивать слова по науке, взялся бы сперва за словарь древнерусского языка XI–XIV веков и пригляделся бы к исходному списку лексики на манер Сепира — Уорфа, но куда заманчивей переворачивать не то, что у нас возможно было, а то, что у нас действительно есть, во всей разношерстности. Особенно соблазнительно испытание на выверт системной лексики. Из времен года уже выворачивалось лето. Весна (ан сев нагрянул) удачно связывается с севом яровых. Осень — несет урожай. И только зима не поддается с насюком.

Возьмемся теперь за стороны света. Север согласен сыграть с нами в поддавки: север — древес (то есть тайга, если не замахиваться на чашую тундру и Северный полюс). Юг навыворот уводит нас в обценную лексику, связанную с мужским началом: юг* = йуг — гуй; а если произнести по-южному, какая? ...Восток смутно определяет себя как *кота сов*. Конечно, можно глубокомысленно заметить, что сова — олицетворение мудрости, а коты на сов не охотятся. Интересней с западом. В творительном падеже он легко разлагается на *моду* и *паз*, но, презрев эфемерную *моду*, выделим устойчивый (*да*) *паз* — то есть узкую скважину, по Далю, в которую входит шпон; не иначе как женский детородный орган в пару *югу*? Получается, что юг — мужское, а запад — женское. Или противояг и противозапад, то есть север и восток. А можно понять, что запад сам других «пазит» и денежки в запазушке копит, — как кому ближе.

Любопытна изнанка личных имен и географических названий. Некоторые имена устойчивы (Натан*, Анна и другие), но большинство вступает с нами в тайные переговоры. Перун* неохотно толкует о *репах*; Зевс кого-то куда-то *возил*; Сварог* намекает на тайную гору (*гора в С.*), — клад там, что ли? Ярило* — связан с *лирой*, Атилла* (*ал, Литта*) — с мадонной Литтой, Марс *осрамился* и т. д.

Вывернутый наизнанку Макар сознается насчет телят: он гонял их к *ракам*, то есть туда, где раки зимуют (вероятно, в реке Кама). Кирилл, ясное дело, *лирик* вроде Ленского; Леонард* сообщает, что он *рано* (не *драно* же) *ел*. Римлянка (или британка) Диана оборачивается армянкой *Анаид**, славянка Хабрева* оказывается *Авербахом*, Хубре-

ва* — *Авербухом*, Треплов* — *Вольпертом*, а Вольтер* — немцем или немкой (фон) *Ретлов*.

Невзрачно выглядит вывернутая история русской литературы. «Наше все» получает фамилию *Никишун*, передавший лиру старец — *Ниважред* (неважный редактор?), творец литературного русского языка — *Низмарак* (усечения, типа «зампотех»). Только изначальный Радищев благозвучен и многозначителен: *Вещидар** (наверное, все-таки *Вещий дар*, а не *дар вещи*). Если фамилия будущего Гоголя («го-го-го!» — гогочет эхо) Смирнов*, то за ней скрывается прекрасное и почтительное указание: «Вон Рим-с!»

Города и страны тоже себе на уме. Палиндромический чемпион Аргентина (*манит негра*) (Квятковский 1966: 190–191) выбрала себе палиндромического (что вправо — что влево) президента по фамилии Менем. За Чили* стоит *Ил(ь)ич* (*Ильич спер респ Чили*); Милан — *налим*; развселая Вологда*-гда-гда оборачивается мрачным *адам голов*; Выборг* — *гробы в...* Куда? Дай ответ! Не дает ответа. Косноязычный Массачусетс* тщится сообщить что-то невнятное. И плывет раздольная и слегка фривольная китайская песня: «О, Хуанхэ* течет, эх, на ухо».

Короче говоря, хотелось предложить читающей и пишущей публике сравнительно безобидный способ активного, но тихого помешательства — палиндромическую мономанию. Вдруг я с радостью понял, что мой призыв к перевороту слов опоздал. Что он (переворот) в значительной мере уже осуществлен руками Елены Кацюбы, составившей и издавшей гордую книгу — Первый палиндромический словарь современного русского языка (Кацюба 1999).

Теперь настало время объяснить смысл звездочек (*), стоящих после некоторых из выше (и ниже) приведенных примеров: звездочки означают, что этих слов или этих соотношений я у Елены Кацюбы не обнаружил. Примеры, замечу, даны до знакомства с ее работой, так что могут рассматриваться как своего рода случайная выборка, а мой текст — как постмодернистский отзыв на книгу, которую рецензент не только не читал (такое бывает), но о которой и не слыхивал. Узнав, однако, прочитал, а прочитав, согласился. С тем, что автором палиндромов является сам язык, а не отдельный человек. Что «теоретически перевернуть можно любое слово. Но иногда для этого нужно выстроить слишком длинную фразу» (Кацюба 1999: 7). Добавлю: после крушения Вавилонской башни всякий перевертыш что-нибудь да означает на каком-нибудь языке.

Восхищает строгость автора, стремящегося приводить лишь точные палиндромы, делая, по собственному признанию, исключение только для Е и Ё. Нетрудно догадаться, что львиная доля моих слов со звездочками прекрасно известна составительнице словаря, но она намеренно пренебрегла ими из-за несимметричной мягкости/твердости согласных, разложения дифтонгов или капризов орфографии. Между тем, огово-

рюсь, стихия языка всегда не в ладах с правописанием: «— ЛиБЕдо? — О дебил!» Но как, я вас спрашиваю, в Первом палиндромическом словаре можно было пропустить само слово *палиндром*?

Составительницу, кажется, не очень привлекают односложные (пуп) или общеизвестные (потоп) слова (букве «п» вообще не повезло). Чужая лексика охвачена, но зияют пробелы (адвокат), и особенно много их в области ономастики (дать Гамбург и Бориса и пропустить Вологду и Леонарда!). Последнее искупается гениальным Махно: конечно же, *он — хам*. Перед нами скорее не словарь, а список, но в нем не счесть безымянных жемчужин и авторских находок!

Да, все можно перевернуть, и это занятие тем притягательней, чем оно бескорыстней, ибо время авторских палиндромов минуло, так по-настоящему и не наступив. Едва припоминаются Державин, Фет, Хлебников, Кирсанов да Фоняков; по шпаргалке выписываются Д. Авалиани, В. Гершуни, В. Гольдштейн, Н. Ладыгин, В. Хромов, В. Пальчикова-Элистинский и манифестанты «языка во вращении» С. Бирюков, А. Бубнов и С. Федин (Новое... 1998: 309; 1999: 281–282). Но кричат и шепчут на ухо, перебивая друг друга и заикаясь, бесчисленные голоса, произнося реплики из вселенской пьесы:

— Россия*? Там мат, я и с-сор.

Или это не про мусор, а про наши российские ссоры? А может, не с-сор, а сюр, согласно известному *Russia is sur*?

— Заика, аки аз?

Но голоса ничего не объясняют, а все про свое:

— Меняет, тля, Ватикан* на кита в Ялт-те? Я — нем.

— А виски и ксива*?

— Ах, у плаксы Валгалла* сосал-ла главы скаल्प*: уха!

— Город Ленинбург* груб, Нинель, дорог.

— С утречка — ум Марго и... драка. — Кардиограмму*? А к черту-с!

— Оли ров — там Зин ум мок — коммунизма* творило.

А какие названия пропадают! — Золото лоз.

А какие рецензии остаются втуне! — Театр тает.

Палиндромическая пьеса безлична, но исполнена имен: каких-то Зин, Ань, Лид, Оль, Дусь:

— Или Зину унизили*?

— А ругала балагура.

— Ум? Ума ведь у той Ани — ни на йоту: дева Муму*.

— Кал, Лида, кадиллак*.

— А крут лимузин: изумил турка.

— А клоп-оголец урвал лавр у целого полка (варианты: угнал шланг*, уволок ось соколов*, упер репу).

— А миф, Фима*?

Краткая интермедия:

- Я — лорд, дроля!
- Я — суд, Дуся*!
- Я — SOS, Ося*!

И апофеоз:

- На вас саван!

Не многие реплики тянут на афоризмы или, по крайней мере, на самодостаточные высказывания:

- А потопа вода да втечет в ад адова потопа*.
- Плот веры — рев толп (вариант: плоть веры — рев толп).
- Я и нога Володи* — идолов агония.
- У, рад Яго (Йаго) Гайдару*.
- Недород бар — раб дороден.
- Зелен роз узор — не лезь*.

Обценная, сиречь непристойная, лексика слабо разработана с точки зрения палиндромистики. Вот варианты словесной агрессии:

- Йухан, иди на хуй*! (Всемирная отзывчивость.)
- Там бой, йоб мат(ь)*! (Военная сводка.)

Далее следует смесь древнегреческого с Воннегутом:

- А Леде* икать. Такие дела (После визита дебелого лебеда.)
- Нес он сено, о несносен!

И снова продолжается свистопляска абсурда:

- Ужу меч? Ежу хуже*, чем ужу.
- «Я не скала Кавказ*», — заквакала Ксения*.
- Пил в-водяру у рядов — влил.
- Лазер, он-таки лед деликатно резал. (Что, впрочем, не так уж абсурдно.)

Интермедия с интернациональным колоритом:

- Ты как бы* рыбка кыт. (Говорит то ли грузин, то ли украинец.)
- Сара как бы рыбка карась*. (Без комментариев.)
- Они как бы рыбка кино. (Поклонники Цоя?)

А «пацак» из кинофильма «Кин-дза-дза» не что иное, как перевертень нехорошего слова «кацап»*.

Заикающееся стихотворение в японском духе:

Лес окосел —
Лип переп-пил.
Лель околел*.

(Перевод: слишком много лип спилили, что и привело к летальному исходу для Леся.)

Еще одно японское стихотворение:

Замучен не чумаз*,
и машу ушами*.
Удав в аду.

Пословица:

Лёд тел — лёт дел. (Если, по Кацубе, игнорировать разницу между Е и Ё.)

А палиндромическое сравнение «велик, аки лев», будто вертел, соединяет мои слова в некий стихотворный шашлык. Итак:

ВЕЛИК, АКИ ЛЕВ

И мир велик, аки лев Рима,
и Рим велик, аки лев мира,
и лоб велик, аки лев боли,
и лов велик, аки лев воли.

И лад велик, аки лев дали,
и лаг велик, аки лев Гали,
и лог велик, аки лев голи,
и лох велик, аки лев холи.

Амог велик, аки лев Рома,
а мор велик, аки лев рома,
а морг велик, аки лев грома.

А Марс велик, аки лев срама,
а марш велик, аки лев шрама.

А герб велик, аки лев берега.
А гюйс велик, аки лев с юга.

И кум велик, аки лев муки,
и кус велик, аки лев суки,
и куб велик, аки лев буки.

И сыр велик, аки лев рыси,
и сук велик, аки лев Куси,
и тес велик, аки лев сети,
и нос велик, аки лев Сони,
и лом велик, аки лев моли.

Иов велик, аки лев вои.
Ишак велик, аки лев каши.
И матрос велик, аки лев со ртами.

Порт велик, аки лев троп,
плот велик, аки лев толп.

Мах велик, аки лев хам,
мал велик, аки лев лам.

И гул велик, аки лев Луги,
а гул велик, аки лев луга,
ага, луг велик, аки лев ГУЛАГа!

И Бог велик, аки лев Гоби.
Ах, Алла велик! Аки лев Аллаха,
адова вода.
Или потопили.

(Вот упилил: велик, аки лев лилипутов!)

И наконец, как сказал бы капитан Лебядкин, я сочинил одно стихотворение Блока:

Угар рагу, дом мод, кабак и
кривляющийся полусвет.
Живи еще хоть вечность — паки
и паки: измененья нет.

Умрешь — и все прочтется справа
налево. Выйдет так на так:
кривляющаяся орава,
дом мод, угар рагу, кабак.

На этой жизнеутверждающей, но неверной ноте разрешите закончить. Кстати, звуковая сторона палиндромов отнюдь не нелепица, как то утверждал Квятковский, ибо выходит, что и фонемы по-варварски обратимы и не совсем «униполярны в своем движении» (Квятковский 1966: 191). Бывают, согласитесь, в этой какофонии, черт бы ее побрал, миги гармонии и лада, когда язык сам изъясняет себя. Да, тень-палиндром. Тень, танцующая с танцором — человеком, собакой, деревом.

Для борьбы с черной мессой изнаночного мира надо его (этот мир) знать. Оставайтесь с нами. Выворачивайте дальше. Весь мир — палиндром.

Литература

- Берджесс 1993: *Берджесс Э.* Заводной апельсин. Вождедеющее семя. Трепет намерения. Романы. Л.: Худ. лит., 1993.
- Кацюба 1999: *Кацюба Е. А.* Первый палиндромический словарь современного русского языка. М.: ЛИА Р. Элинина, 1999.
- Квятковский 1966: *Квятковский А. П.* Поэтический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1966.

- Майзель 1983: *Майзель С. С.* Пути развития корневого фонда семитских языков. М., 1983.
- Милитарев 1983: *Милитарев А. Ю.* Вступительная статья // Майзель С. С. Пути развития корневого фонда семитских языков. М., 1983.
- Новое... 1998: *Новое* литературное обозрение. 1998. № 6 (34).
- Новое... 1999: *Новое* литературное обозрение. 1999. № 1 (35).
- Хлебников 1986: *Хлебников В.* Учитель и ученик. О словах, городах и народах. Разговор 1 // Велимир Хлебников. Творения / Общ. ред. и вступ. ст. М. Я. Полякова. Сост., подгот. текста и коммент. В. П. Григорьева и А. Е. Парниса. М., 1986. С. 585–586.